

Всеволод III, упорно борющийся за гегемонию своей Владимирской державы в разорванной на феодальные княжества Русской земле, потратили немало сил на создание и церковного приоритета русского северо-востока. Создание культа Владимирской иконы богородицы, учреждение без санкции высшей духовной власти владимирского праздника Покрова богородицы,¹ открытие мощей ростовского епископа Леонтия — „первого мученика“, павшего в борьбе с язычниками, связанная с попыткой его канонизации легенда об учреждении ростовской епархии самим цареградским патриархом в конце X века;² другой — уже чисто политический — миф об основании Владимира на Клязьме до Мономаха — Владимиром Святославичем,³ — все эти церковно-политические мероприятия, направленные на аргументацию законности притязаний Севера на автокефальную епископию сопровождалась широким строительством многочисленных, пышно украшенных белокаменных храмов, большой и сложной литературной работой. Эти церковные мотивы пронизывали владимирское летописание XII века.⁴ Было создано (до 1165 года) „Сказание о чудесах“ Владимирской иконы⁵ и цикл церковно-служебных произведений, связанных с праздником Покрова (60-е годы); наконец, между 1164—1174 годами оформляется житие епископа Леонтия.⁶ Возвышение авторитета владимирской церкви имело немаловажное значение и для укрепления позиций церкви как крупнейшего феодала в ее столкновениях с княжеской властью, которая в скором времени покусилась на епископские владения (секуляризация князем Ярославом имений ростовского епископа Кирилла). Епископ Симон в своей литературной работе продолжает эту же линию. Он не только патриот Печерского монастыря. „Святительства нашего власть сам веси, — пишет он Поликарпу. — Кто не весть мене, грешнаго епископа Симона, и сиа съборныа церкви красоты Владимирьския и другиа Суждаляския церькви, юже сам създах? Колико имеа градов и сел, и десятину събирають по всей земли той! И тем всем владееть наша худость...“⁷ Симон, притворно унижаясь, гордится экономическим могуществом владимирской епископии. Но за этими прозаическими эмоциями крупнейшего духовного феодала сквозит и искренняя патриотическая гордость новой северной родиной, ее богатством и многолюдством, художественным совершенством созданных владимирскими каменосецами храмов. Симон стремится увеличить их культовую значимость, показать святость их красоты, идеалом которой являются в его сознании здания Печерского монастыря. Так складывается определенная церковно-историческая и религиозно-эстетическая концепция Симона о „чуде“ с исцелением Владимира Мономаха и о постройке им соборов Суздаля и Ростова „по образу и подобию“ великой Печерской церкви. Это переносило ореол славы и величия киевской святыни на храмы Севера, поднимало

¹ Сергей. Андрей юродивый и праздник Покрова. М., 1896. — А. М. Остроумов. Происхождение праздника Покрова. „Приходское чтение“, 1911, № 19.

² М. Д. Приселков. Очерки. . . , стр. 135—140.

³ ПСРЛ, т. IX, стр. 209. — А. Н. Насонов. „Русская земля“ . . . , стр. 182 и примеч. 4.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Владимирские летописные своды. В кн.: История русской литературы, т. I, стр. 305—306.

⁵ Сказание о чудесах Владимирской иконы богородицы. Предисловие В. О. Ключевского. СПб., 1878.

⁶ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 3 и сл.; А. А. Богуславский. Ростовские жития. В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1, Л., 1945, стр. 65. Автор готовит особый очерк о владимирской церковно-литературной работе 60-х годов XII в.

⁷ Патерик, стр. 76.